

К 145-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА

© С. Д. ТИТАРЕНКО

ИЗ РАННЕЙ ПРОЗЫ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА 1887 ГОДА

(К ПРОБЛЕМЕ ИСТОКОВ «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ДНЕВНИКА»
1888—1890-х годов)

Ранняя неопубликованная проза Вячеслава Иванова, относящаяся к 1888—началу 1890-х годов и сохранившаяся в его личном архиве в Российской государственной библиотеке в Москве, была введена в научный оборот как отдельные замыслы статей и набросков, а затем существенно дополнена, обобщена и издана Н. В. Котрелевым на основе текстологических исследований как тип единого целого под общим условным названием «Интеллектуальный дневник».¹ Сюда вошли автографы статей, бесед, заметок, «датированные числами наброски мыслей и художественных записей».² Анализируя эти материалы и другие прозаические наброски начинающего поэта, сохранившиеся в личном архиве Вяч. Иванова в РГБ (отрывки о Св. Николае, выписка об апостоле Павле, фрагменты «текстов пирамид», копии писем, записи курсов лекций Э. Хюбнера и др.), исследователь заметил: «И все же я не должен исключать возможности, что обнаружатся дневниковые фрагменты более или менее естественно связанные с теми, что собраны в предлежащей публикации».³

В личном фонде Вячеслава Иванова в Российской государственной библиотеке содержится «Тетрадь стихотворений и прозаических этюдов», датированная 1887 годом⁴ (далее: тетрадь 1887). Она содержит автографы стихотворений и поэм, часть из которых была опубликована самим Ивановым в составе сборников стихов или введена в научный оборот исследователями только в конце XX века. Это материалы замысла о «Русском Фаусте», стихотворное послание А. М. Дмитревскому, фрагмент прозаического этюда «Осенние мысли» и другие, важные для понимания его раннего творчества.⁵

¹ *Иванов Вяч.* О типическом / Публ. М. К. Гидини // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 21—26; *Лаппо-Данилевский К. Ю.* Набросок Вяч. Иванова «Евреи и русские» // Новое литературное обозрение. 1996. № 21. С. 182—190; *Иванов Вяч.* Евреи и русские / Публ. К. Ю. Лаппо-Данилевского // Там же. С. 191—193; *Иванов Вяч.* Интеллектуальный дневник / Подг. текста Н. В. Котрелева и И. Н. Фридмана; Прим. Н. В. Котрелева // Вячеслав Иванов: Архивные материалы и исследования. М., 1999. С. 10—61.

² См. примечания Н. В. Котрелева: *Иванов Вяч.* Интеллектуальный дневник. С. 43.

³ Там же.

⁴ РГБ. Ф. 109. Карт. 1. Ед. хр. 33. В дальнейшем ссылки на эту единицу хранения даются в тексте с указанием номера листа, проставленного архивистами.

⁵ См.: «Русский Фауст» Вячеслава Иванова / Публ. М. Вахтеля // Минувшее. М.; СПб., 1993. Вып. 12. С. 265—273; *Кузнецова О. А.* Стихотворные послания Вячеслава Иванова к А. М. Дмитревскому // Гумилевские чтения: Материалы Международной конф. филологов-славистов. СПб., 1996. С. 239—253. Публикацию фрагмента Вяч. Иванова «Осенние мысли» см. в приложении № 2 к выполненным нами комментариям поэмы Вяч. Иванова «Ars mystica» (*Иванов Вяч.* Ars mystica // Символ: Религиозно-философский журнал. Париж; М., 2008. № 53—54. С. 66—67). См. также о прозаическом наброске «О форме» и других ранних опытах творчества Вяч. Иванова в статье: *Титаренко С. Д.* Об одном незавершенном замысле Вячеслава Иванова

Значительную часть тетради составляют наброски еще не опубликованных прозаических текстов. Проза Вяч. Иванова, рассматриваемая в структуре всей тетради, представляет несомненный интерес для понимания процессов духовного и творческого самоопределения поэта. Она свидетельствует о его религиозно-философских, историософских и художественных исканиях в самый ранний период творчества, в 1886—1890 годах, когда он был студентом Берлинского университета. Этот период в последнее время привлекает все большее внимание в связи с его значимостью для изучения творческой эволюции теоретика русского символизма.⁶ Как нам представляется, ранняя проза в тетради, датированной самим Вяч. Ивановым 1887 годом, является частью более сложного целого, имея с ним несомненную хронологическую связь и идейно-тематические переклички. Мы имеем в виду указанный выше «Интеллектуальный дневник». В этом плане тетрадь представляет безусловный интерес для разговора о датировке и границах «Интеллектуального дневника». Являются ли тексты, оказавшиеся здесь, началом этого дневника или частью другого, уже начатого, целого — проблема, которую можно разрешить на основе лишь последующего исследования личных архивов Иванова. Пока мы выдвигаем предположение, согласно которому тетрадь 1887 года содержит записи, непосредственно предваряющие «Интеллектуальный дневник» и тесно с ним связанные, образуя определенное единство, в связи с чем тетрадь 1887 года является, как и «Интеллектуальный дневник», лабораторией раннего творчества. Именно в этот период идет становление творческого сознания Иванова как историка античности и будущего поэта и продолжающаяся у него на протяжении 1890-х годов, говоря словами Н. А. Богомолова, «трансформация науки в поэзию».⁷

О связи прозы 1887 года с опубликованным «Интеллектуальным дневником» говорит, во-первых, хронологическая последовательность набросков. Тетрадь 1887 года состоит из 24-х листов (23-х в архивной нумерации) в разворот, с полями по левому и правому краю, на которых и проставлялись датировки, за немногими исключениями. Каждый лист содержит по две авторские страницы, которые также имеют нумерацию. В тетради 1887 года пронумеровано, как и в «Интеллектуальном дневнике», сорок пять страниц.⁸ Первый из прозаических текстов — «Sonata pathétique» — обозначен 27 сентября. Далее датировки продолжают. Набросок, имеющий заглавие «Даниил», датируется 10 октября. Набросок «Осенние мысли» состоит из четырех фрагментов, отделенных подчеркиваниями, и имеет две датировки — 14 и 15 октября. Прозаический этюд «Les extrémités se touchent...» помечен датой 19 октября, следующий набросок — «Усталость» — не завершен, поэтому, видимо, не датирован. Непосредственно

(поэма «Ars mystica» в контексте ранних творческих исканий) // Русская литература. 2009. № 1. С. 173.

⁶ См., например: *Wachtel M.* Вячеслав Иванов — студент Берлинского университета // *Cahiers du monde russe*. Paris, 1994. XXXV. № 1—2. P. 353—376; *Бонгард-Левин Г. М.* Вяч. Иванов: «Я пошел к немцам за настоящей наукой» // *Вестник древней истории*. 2001. № 3. С. 150—184; *Аверинцев С. С.* «Скворещниц вольных граждан...»: Вячеслав Иванов: путь поэта между мирами. СПб., 2001. С. 33—37; *Богомолов Н. А.* Вяч. Иванов об университетском образовании // *Богомолов Н. А.* Сопряжение далековатых: О Вячеславе Иванове и Владиславе Ходасевиче. М., 2011. С. 44—50.

⁷ *Богомолов Н. А.* Вячеслав Иванов между Римом и Грецией // *Богомолов Н. А.* Сопряжение далековатых: О Вячеславе Иванове и Владиславе Ходасевиче. С. 19. См. также: *История и поэзия: Переписка И. М. Гревса и Вяч. Иванова / Изд. текстов, исслед. и комм. Г. М. Бонгард-Левина, Н. В. Котрелева, Е. В. Ляпустиной.* М., 2006.

⁸ См. обстоятельную текстологическую справку Н. В. Котрелева, касающуюся анализа «Интеллектуального дневника»: *Иванов Вяч.* Интеллектуальный дневник. С. 41.

примыкающая к нему запись, начинающая новую страницу, — «О благочестии» — помечена 24 ноября. Набросок «О форме» идет под двумя датировками: 18 (на поле, в конце) и 25 декабря. Дата 18 декабря проставлена также на поле наброска статьи «Архитектурный стиль будущего». Вторая датировка к наброску «О форме», 25 декабря, указанная выше, возникла, видимо, в результате возвращения к этому тексту после прочтения романа «Война и мир», так как записи размышлений по поводу романа Л. Н. Толстого, озаглавленные «О Толстом», помечены двумя датами: 19 и 25 декабря. Возвращение к наброску произошло, как нам представляется, в связи с осмыслением проблемы формы романа Толстого. Вверху, на поле, на уровне заглавия, Ивановым сделана позднейшая приписка: «Свобода часто содержится в ней; необходимость — форма „Войны и мира“. Эпил. II ч., гл. 10» (л. 16). Продолжающиеся далее записи стихотворных набросков датируются последними числами декабря: с 27-го по 30-е. Также, видимо, позднее был вписан элегический дистих на немецком языке, датированный 30 декабря: «Vieles gab dir der liebende Gott; die übrige Gabe, / Ein vollkommenes Glück, schenke der liebende Mensch» (л. 19 об.).

Записи стихотворного текста «Воспоминания» (Из Леопарди), опубликованного впоследствии поэтом в составе сборника «Прозрачность» (1904), и неопубликованного этюда «Призраки» помечены соответственно датами «окт. 87» и «в сентябре». Они выпадают из хронологической последовательности. Эти, завершающие тетрадь, более ранние тексты, судя по отметкам, могли быть либо записаны по памяти с восстановленными приблизительно датами, либо переписаны с имевшегося чернового автографа. Во всяком случае, именно здесь, в самом конце, мы наблюдаем нарушение временной последовательности. Вся тетрадь имеет предваряющую запись на немецком языке из журнала «Летучие листки» («Fliegende Blätter», 1887), помещенную на верхнем поле над заглавием первого наброска «Sonata pathétique», сделанную, видимо, позднее (двустиишие, начинающееся словами: «Und mit wonnigem Behagen...»). Таким образом, тетрадь начинается с сентября и завершается записями и набросками 30 декабря 1887 года.

Намеренная последовательность записей, обязательная датировка их на полях, как и в указанной Н. В. Котрелевым подборке «Интеллектуального дневника», начинающейся с 12 февраля 1888 года, использование астерисков, разделяющих некоторые записи, указывают на несомненную связь тетради 1887 года с «Интеллектуальным дневником». Вместе с тем Иванов датирует не только прозаические наброски, носящие автобиографический характер, но и наброски различных стихотворений на русском и немецком языках, черновые автографы поэмы «Чайка», которыми перемежаются прозаические тексты. Поэтому принцип датировки, выявленный Н. В. Котрелевым и взятый за основу объединения различных набросков в единое целое «Интеллектуального дневника», видимо, использовался Вяч. Ивановым постоянно. В связи с этим помещаемые в одну тетрадь прозаические тексты могли быть и самостоятельными замыслами критических статей или художественных произведений, как это справедливо отмечали в своих публикациях М. К. Гидини и К. Ю. Лаппо-Данилевский, публикуя подобные ранние опыты прозы Вяч. Иванова.

При внимательном анализе выявляется другой важнейший принцип объединения прозы в тетради 1887 года и в структуре «Интеллектуального дневника»: явная идейно-тематическая связь и перекличка тем, мотивов, образов. Кроме того, сквозной для всей ранней прозы Иванова является проблема самосознания, духовного роста личности, ее интеграции в символическое пространство мировой культуры. Почти все отрывки объединяются

автобиографической рефлексией. Предмет рефлексии — модели и типы человеческого поведения, религиозные ценности, исторические законы, метафизика сознания. Наличие автобиографической рефлексии и имеющиеся переклички представляют собой наиболее существенные аргументы для того, чтобы выдвинуть гипотезу о тетради 1887 года как возможном начале «Интеллектуального дневника».

Так, например, первый фрагмент «Интеллектуального дневника» от 12 февраля, основанный на размышлениях о мистическом начале в христианстве, перекликается с написанными ранее в тетради 1887 года прозаическими этюдами «Sonate pathétique» и «Призраки». Иванова волнует тема божественной теофании, богоявления Христа. Она привлекала его и в других ранних произведениях, например в поэме «Ars mystica». Второй фрагмент «Интеллектуального дневника» — от 13 февраля — содержит развитие мысли об идее и форме, намеченной в наброске «О форме» в указанной ранней тетради. Здесь же автором продолжают размышления о философии истории, начатые в наброске «О Толстом». Рассуждения о типах героев в романе «Война и мир» Толстого продолжают также в «Интеллектуальном дневнике» (запись от 19 февраля). Тема этюда «Les extrémités se touchent...», идущая от философских размышлений Б. Паскаля,⁹ продолжает развиваться в записи «Интеллектуального дневника» от 20 февраля. Весьма важным представляется развитие замысла поэмы об Иуде и Иоанне и в тетради 1887 года, и в «Интеллектуальном дневнике», как и развитие тем и мотивов бетховенской музыки, намеченных в наброске «Sonate pathétique» в 1887 году и во фрагменте от 19 февраля 1888 года, относящемся к «Интеллектуальному дневнику». Комментируя записи, связанные с именем Бетховена, Н. В. Котрелев указывает на увлечение Вяч. Иванова музыкой этого композитора, что подтверждается пометами поэта в его записной книжке 1888—1889 годов, где упоминается «Патетическая соната» Бетховена.¹⁰ Образ Иуды, появляющийся в записях 1887 года, станет, по свидетельству Н. В. Котрелева, сквозной нитью всего «Интеллектуального дневника», как и повторяющиеся и в тетради 1887 года, и в «Интеллектуальном дневнике» лейтмотивные темы и образы «Фауста» Гете и древнеиранской мифологии, например Ормузда и Аримана. Как и фаустовская тема, так и тема двух начал мирового космогонического процесса станут важнейшими для всего последующего творчества Вяч. Иванова. Фаустовская тема на страницах тетради 1887 года, особенно оригинально представленная в замыслах «русского Фауста» и исследованная М. Вахтелем, была чрезвычайно важна для начинающего поэта как символический код, выявляющий проблему становления человеческой индивидуальности. Существенным моментом представляется также очевидная жанровая и стилистическая связь всех прозаических набросков в тетради 1887 года и в «Интеллектуальном дневнике».

Так как тетрадь 1887 года предваряет «Интеллектуальный дневник», рассмотрим, на основе каких возможных источников формируется жанровое своеобразие ранней прозы в этой тетради. Уже по характеру отсылок самого Иванова к творчеству Гете, «Мыслям» Блеза Паскаля, «Мыслям и афоризмам» Козьмы Пруткова существенную роль здесь играет форма философского фрагмента, актуализированного прежде всего немецкими романтиками. Паскаль, чье высказывание Вяч. Иванов использует в начале одного из прозаических набросков («Les extrémités se touchent...»), планировал объединить свои разрозненные философские фрагменты в книгу «Оправдание христианской религии». Он, как известно, дал философскую интерпре-

⁹ См. прим. 1 к публикации этого фрагмента в Приложении.

¹⁰ См. примечания Н. В. Котрелева: *Иванов Вяч. Интеллектуальный дневник*. С. 46.

тацию христианства как одной из величайших религий, размышляя о Христе как посреднике между Богом и людьми. В полемике с ним и на основе его взглядов происходило становление нового религиозного сознания среди представителей русского символизма; его высоко ценили за умение мыслить через синтез противоположностей. Этот принцип он понимал как «нераскрытую Троичность», что привлекало к его взглядам Д. Мережковского.¹¹

Как известно, Паскаль записывал все, что приходило ему в голову, ставя целью познание самого себя. «Нужно знать самого себя, — писал он. — Пусть это не поможет найти истину, но поможет хотя бы правильно устроить свою жизнь, а это самое благое дело»; «Мы познаем истину не только разумом, но и сердцем».¹² Философские взгляды Паскаля, безусловно, определили метафизические идеи некоторых набросков Иванова и прежде всего: «Les extrémités se touchent...», «О благочестии», «Усталость», «Призраки». Цель замысла Паскаля, как известно, — религиозные и философские искания, преодоление рационализма и нигилизма, присущего европейскому человеку. Паскаль для русских символистов был предвестником идеи Вселенской Церкви,¹³ что чрезвычайно важно для формирования религиозно-философских взглядов Вяч. Иванова в самый ранний период его творчества. Кроме того, через его сочинения Иванов мог познакомиться с некоторыми идеями Каббалы, гностических и герметических учений, неоднозначными трактовками Ветхого и Нового Завета, тексты которых Паскаль понимал как шифр для посвященных. На страницах своих «Мыслей» Паскаль часто обращается к истории еврейского народа, что не могло не сказаться на некоторых замыслах Вяч. Иванова, например, появлении наброска «Евреи и русские», вошедшего в «Интеллектуальный дневник». Религиозно-философские искания Иванова отражаются как в набросках тетради 1887 года, так и в «Интеллектуальном дневнике». Намечается отчетливая попытка синтеза религии, философии, историософии, литературы и искусства.

Кроме того, в плане поиска формы объединяющим понятием для начинающего поэта и мыслителя становится «этюдность», присущая Паскалю, а также форма философского фрагмента, характерного для немецких романтиков. На форму этюда Иванов указал в «Интеллектуальном дневнике». Так, в записи от 13 февраля, указывая на необходимость исторических исследований, он пишет, что полезно было бы группы этюдов связывать «между собой отвлеченную схемою».¹⁴ Этюдность записей в тетради 1887 года обозначена и в архивной описи, следовательно, архивисты обратили внимание на это явление. Рассмотрим его подробнее.

Тетрадь 1887 года содержит десять, вернее, четырнадцать прозаических отрывков. Четырнадцать, если учитывать этюдность формы текстов и деление двух из них («Осенние мысли» и «О Толстом») на части не только по хронологическому принципу, но и графически, путем разделения фрагментов чертой. Все тексты четко делятся на два типа: первый составляют замыслы художественной прозы, второй — прозы автобиографической или дневниковой. Дневниковая проза представляет собой, как и записи в «Интеллектуальном дневнике», серию философских и лирико-философских этюдов, философских сентенций, набросков статей. Это чаще всего рассуждения на абстрактные темы, в которые вплетены события личной жизни, мысли и впечатления о прочитанных книгах или сочинениях Отцов Церк-

¹¹ См. об этом во вступительной статье Т. Пахмусс: *Мережковский Д. С.* Реформаторы: Лютер, Кальвин, Паскаль. Томск, 1999. С. 302.

¹² *Паскаль Б.* Мысли / Пер. с фр. Ю. Гинзбург. М., 2008. С. 74, 83.

¹³ См.: *Пахмусс Т.* Указ. соч. С. 316.

¹⁴ *Иванов Вяч.* Интеллектуальный дневник. С. 11.

ви. Некоторые тексты, как и позднейшие статьи Иванова, носят гетерогенный характер, сочетая черты вымысла и реального описания, художественное и автобиографическое. Они тяготеют, как уже писала М. К. Гидини при публикации подобного текста, к серии «заметок для самого себя».¹⁵

Можно предположить, что дневниковая форма возникла из замысла создания образцов художественной прозы, которая предваряет прозу дневникового типа. Так, два первых наброска новеллистического типа, помещенные в тетради и обозначенные названиями «Sonate pathétique» и «Даниил», представляют собой тип повествования, организованного от третьего лица. В дальнейшем используется только форма повествования от первого лица. Их сюжеты различны, но метафизический конфликт героя с судьбой или Богом имеет единую романтическую природу. Первый прозаический этюд основан на конфликте двоемирия, проецирующемся на сознание героя — протестантского священника. «Он говорил, что его протестантизм дает ему великую свободу мысли и сомнений, — пишет Иванов. — Но он старался не колебать своей мыслью престола Божия. Его преследовал призрак зла, и он улавливал черты его в каждой улыбке людского лица, не в одном пороке и преступлении, но в каждой мысли сладострастия, в каждом порыве непосредственного веселья. Он говорил, что не может делиться душой между миром и Богом, что мир должен [из] исчезнуть пред Богом, скопище зла и сладострастия должно раствориться и погибнуть в великом океане небесного света [добра] и чистого добра. И тогда он понял, что должен сам покинуть мир» (л. 1 об.—2). С миром его связывает любовь к крестьянской девушке, чью судьбу он должен решить. Через богоявление Христа в лучах софийного света священник получает просветление: «Сначала молчал он, потом звал Бога на помощь, полный отчаянья. И когда он поднял голову, его поразил яркий свет. Косые вечерние лучи ударяли через желтые стекла алтарного разноцветного окна и золотили алтарь, тогда как густая синяя тень покрывала уединенное распятие, возвышавшееся над алтарем. И ему показалось, что тень эта упала на страдание и горе (...) И ему показалось, что это не алтарь золотится в глазах его, а золотится спелая нива, а по ней идет светлый и радостный Христос, окруженный учениками...» (л. 3). Неожиданный случай привел священника к пониманию своего предназначения. Выбор героя, намеченный в развязке произведения, — отрешение от личного счастья, христианское всепрощение, примирение и любовь к людям.

Развязка во втором рассказе «Даниил», основанном на мотиве библейского сюжета из Книги пророка Даниила о пире Валтасара, также носит символический характер. Рассказ написан не без влияния сочинений Паскаля, рассуждающего о ветхозаветных пророчествах Даниила на многих страницах своих «Мыслей». Рассказ у Иванова носит характер стилизации, художественное время и пространство условно, библейский сюжет трансформирован. Метафизический бунт героя против несправедного мира приобретает личный характер и разрешается в апокалипсическом финале всеобщей гибели. Большой интерес для интерпретации конфликта представляет запись, сделанная Ивановым на поле тетради в самом конце наброска: «Т. е. не отчаялся, не поссорился с Богом» (л. 5). Запись указывает на характер осмысления автором изображенного события. Она связывает позицию повествователя с авторской точкой зрения. Автор размышляет над изображенными им событиями, что переводит прозаический набросок из художественного плана в план дневниковый. Сюжет размышления становится важнейшим порождающим принципом структуры дневникового типа прозы.

¹⁵ Иванов Вяч. О типическом. С. 21.

В следующем прозаическом этюде «Осенние мысли» уже нет сюжетного повествования. Это дневниковые записи от первого лица. Они представляют собой лирико-психологические и философские размышления, ведущие к созданию метафизического образа осени. Его символом становится готический храм.¹⁶ Тема готического собора получает романтическую окраску. В духе романтических традиций дается и возникающий в воображении образ идеальной возлюбленной (запись от 13 октября). В другой части этюда «Осенние мысли», отделенной от предшествующей датировкой (14 октября), запись принимает автобиографический характер и отражает события реальной жизни Вяч. Иванова и его жены — Дарьи Михайловны Дмитриевской: «Мы живем эту осень так благоприятно, что я имею возможность наблюдать осеннюю природу лучше, нежели в предыдущие годы, когда я был более стеснен стенами домов. Большой сад представляет красивые места, широкие зеленые луговины, обставленные пожелтевшими и побагровевшими деревьями. На широких дорожках лежат кучами сухие, скорченные листья. Когда мы ходили однажды вдвоем по саду, Даша стала поднимать почему-то сухие кленовые листья, а старый фонарщик, примостивший к фонарю лестницу, поднял один липовый и предложил ей — „на память, у фонаря”, — добродушно и коварно улыбаясь и принимая нас за влюбленных, старающихся сохранить подольше впечатление счастливого свидания» (л. 19—19 об.).

Все прозаические наброски объединяет указанная выше форма этюда, широко распространенного в живописи и особенно в романтической музыке, например Листа, Шопена, Шумана. Влиянием музыки объясняется и название первого наброска — «Sonate pathétique», повторяющее название известного произведения Бетховена. «Патетическая соната» (№ 8) Бетховена основана на возвышенном, приподнятом пафосе, утверждающем борьбу и преодоление противоположностей, что, безусловно, определило развитие конфликта в этом произведении Иванова. Как и у Бетховена, напряженность развития двух тем перерастает в кульминацию прозрения, восторга. Финал у Иванова дан в виде картинке сельского праздника, или танца, что в сонатной форме соответствует рондо или менуэту. Увлечение начинающего поэта и писателя музыкой было связано с семьей Дмитриевских, так как с матерью жены Дарьи Михайловны и своего друга Алексея Михайловича, Анной Тимофеевной, он, по его свидетельству, постигает Бетховена; с Дарьей Михайловной, с которой он приехал, говоря его словами, «доучиваться» в Берлинский университет, он посещает многочисленные концерты и слушает музыку Шумана и Шуберта в ее исполнении.¹⁷

Прозаические этюды Вяч. Иванова варьируют главную тему на основе лейтмотивного принципа. Поэтому музыкальная составляющая делает эти прозаические этюды потенциальным, т. е. автором не обозначенным, циклом. Циклизация основана на разработке метафизических тем и авторском (личном) их осмыслении, что позволяет говорить о тетради 1887 года как о лаборатории раннего творчества. Влиянием музыкальных переработок знаменитых литературных сюжетов можно объяснить и появление в ряду текстов, помещенных в тетради 1887 года, вариаций на тему «Фауста» Гете. «„Фауст”. Русские варианты общечеловеческой легенды» — так назвал Иванов завершающие тетрадь стихотворные наброски. Можно их рассматривать как одну из вариаций размышлений на метафизическую тему, как, на-

¹⁶ В тетрадь вложена открытка с изображением готического собора (л. 12).

¹⁷ См. об этом: *Иванов Вяч.* Автобиографическое письмо к С. А. Венгеру // *Иванов Вяч.* Собр. соч. Брюссель, 1974. Т. II. С. 18; *Кузнецова О. А.* Стихотворные послания Вячеслава Иванова к А. М. Дмитриевскому. С. 240.

пример, «Фауст-симфонию» или «Мефисто-вальс» Листа и другие его произведения. Здесь очевидной является не только установка начинающего писателя на романтическую традицию, но и предсимволистская тенденция к синтезу искусств, иносказательности, формированию важнейшего ивановского принципа «от реального — к реальнейшему». Следует отметить также мистические и мифотворческие искания, выразившиеся в необычной разработке религиозных и философских тем, использовании мифологем Софии в образе нетварного света, Матери сырой земли, образов Аримана и Ормузда.

Ниже нами публикуется семь прозаических этюдов по рукописи Вяч. Иванова, озаглавленной в описи «Стихотворения и прозаические этюды» (РГБ. Ф. 109. Карт. 1. Ед. хр. 33): «Les extrémités se touchent...» (л. 12 об.—14); «Усталость» (л. 14 об.); «О благочестии» (л. 15); «О форме» (л. 16—16 об.); «Архитектурный стиль будущего» (л. 16 об.—17); «О Толстом» (л. 17 об.—18 об.); «Призраки» (л. 22—23). Воспроизводя рукописный текст, мы оставили в квадратных скобках лишь некоторые, наиболее значимые слова и выражения, зачеркнутые автором, оставив без внимания зачеркнутые буквы, союзы и совершенно замазанные чернилами при зачеркивании автором некоторые слова. Старая орфография была заменена на новую, устранены пропуски некоторых слов и пунктуационных знаков.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Вячеслав Иванов

〈ПРОЗАИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ〉

Les extrémités se touchent.¹ Это, конечно, слишком ощущаемая истина в этом мире, в котором человек похож на ученика, обязанного продолжать какую-то громадную задачу, где сделана какая-то ошибка и где лишь время от времени всплывают моменты, дающие чудовищные сближения и равняющие нуль с бесконечностью, чтобы снова потеряться в массах крупных и мелких, но нелепых, непонятных, цепляющихся друг за друга и быстро исчезающих величин.

Не перенося что-либо горькое, человек всегда, и как бы в насмешку, получает из этого какую-нибудь, и часто малую, прибыль. Так иногда нищий стоит целый день, протягивая руку и искренне плача, и зарабатывает к вечеру копейку.²

Горькая истина о крайностях дает привилегию строить на ней остроумные сближения. Это легко. Ибо она и принадлежит к большинству явлений жизни, и сама по себе уже представляет остроумное сближение.

Неправда ли, например, что христианство могло бы [быть] истечь из громадной гордости или ума бесконечно честолюбивого?

Действительно, для этого были бы нужны только две причины. Первая причина та, что гордый человек нигде не может найти удовлетворения. Об-

¹ Крайности сходятся (*фр.*). Сокращенный вариант фразы из сочинения французского философа и писателя Блеза Паскаля (1623—1662) «Мысли, или Мысли о религии и других предметах» («*Pensées sur la religion et sur quelques autres sujets*») — собрания разрозненных прозаических набросков, относящихся к 1650-м годам и опубликованных после его смерти в 1669 году. Полный текст фразы Паскаля: «*Les sciences ont deux extrémités qui se touchent...*» («Крайности сходятся и соединяются в силу своего удаления...»). См. современное издание: Паскаль Б. Мысли / Пер. с фр. Ю. Гинзбург. М.; Харьков, 2003. С. 117.

² Возможно, аллюзия на стихотворение М. Ю. Лермонтова «Нищий» («У врат обители святой...»).